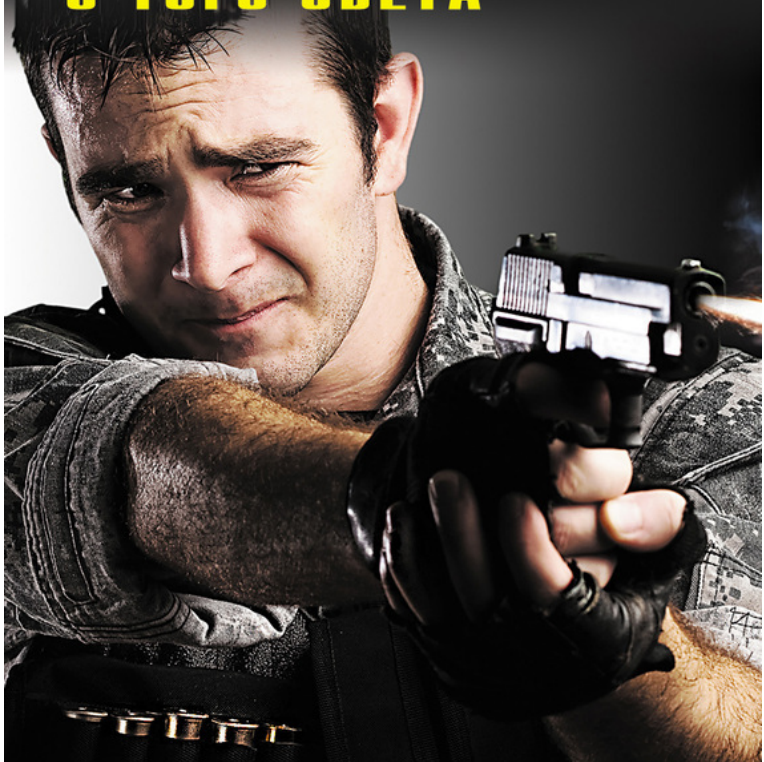

Х А Ч И К
ХУТЛУБЯН

РЕВЕРАНС

С ТОГО СВЕТА

Хачик Мнацаканович Хутлубян

Реверанс с того света

Серия «Черная кошка»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18506555

*Хутлубян, Хачик Мнацаканович. Реверанс с того света: Издательство
«Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-87814-7*

Аннотация

В распоряжение молодого журналиста Андрея Примерова попал компромат на заместителя командующего военным округом генерал-лейтенанта Порошина. Публикация обличительной статьи в газете «Наш город», где работал Андрей, стала бы настоящей бомбой для военного чиновника и его окружения. Но этого не случилось. Все компрометирующие материалы на генерала были внезапно похищены, а сам Примеров попал под следствие по обвинению в убийстве проститутки Алисы, которая клеилась к нему в баре. Улики оказались настолько серьезными, что шансов доказать свою невиновность почти не осталось. Почти, если не считать одной маленькой и хрупкой надежды...

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Хачик Хутлубян

Реверанс с того света

© Хутлубян Х. М., 2016

© Оформление Издательство «Э», 2016

Часть I

В последнее время жизнь проститутки Алисы явно не клеилась. Особенно ее материальная сторона. Завсегда и ба-ра «Парус надежды» – хамоватые мужики с оттопыренными карманами – поначалу западали на Алису, все как один, но, проведя ночь, на следующий день сторонились ее, потупив взоры. Дело было не во внешних данных, с этим у нее как раз полный порядок: миниатюрная сдобная блондинка со взглядом Мэрилин Монро попадала в самое яблочко. Но вот в постели, прежде чем отдаться, она любила поговорить, пощebetать как птичка, а потом непременно помузицировать за стареньким пианино, исполняя что-нибудь из популярной классики. Это не то чтобы раздражало клиентов, но затрагивало в их похотливых душах такие неизведанные доселе и незнакомые ощущения, что им становилось неловко за свои низменные чувства. А все потому, что пришла Алиса в первую древнейшую профессию из педагогического кресла детской школы искусств, где вела класс фортепиано. И теперь с преподавательской настойчивостью продолжала культивировать в «Парусе надежды» изящную проституцию, так как останавливаться на достигнутом было не в ее правилах. Но, как философски заключил однажды начитанный бармен Мартин, интеллект для проститутки – это не предмет первой необходимости, он портит женскую привлекательность. А Мартин,

несмотря на молодость, цену словам знал, ибо попал за стойку из ученой семьи, по протекции отца – доцента факультета журналистики госуниверситета.

Вот и сейчас, разливая хитро смешанные коктейли, он уголком глаза подметил, как, взяв на мушку достаточно пьяного паренька, Алиса подкатила к нему с дежурной сигареткой за огоньком. Мартин, перед которым вся сумеречная жизнь бара лежала как на подносе, подумал, что ничего путевого из этого все равно не выйдет. И оказался прав.

– Андрей меня зовут, – протянул зажигалку Алисе парень.

– Зовут тебя, так иди! Чего к приличным девушкам пристаешь?.. – Тяжелая мужская ладонь опустилась на плечо Андрея. Он повернулся и, не глядя, стесал кулак о чьи-то зубы. Но тут же острая боль в челюсть опрокинула его назад, и в следующую секунду грохот падающих стульев и крики Алисы покрыл «темный занавес»...

Как новорожденное дитя, с удивлением оглядев потолок незнакомой квартирki, Андрей приподнялся с большого мягкого дивана, рядом с которым примостилось старенькое черное пианино. На резном подлокотнике лежали джинсы и клетчатая шведка. Посмотрев на свои голые ноги в носках, он потянулся к одежде и, толком ничего еще не понимая, стал медленно одеваться.

– Я и не думала, что такое бывает, – с неподдельным удивлением произнесла Алиса.

Он поднял на нее недоуменный взгляд:

– Что?

– Обычно мужчин, с таким количеством потребленного спиртного, хватало лишь на то, чтобы прохрапеть до утра на диване, а ты так завел меня своими разговорами о музыке, что мы прокувыркались потом всю ночь. Правда, при этом ты называл меня какой-то Наташей, но я не в обиде на тебя, да и на нее тоже.

– Что?..

– Говорю, в постели ты был хорош...

– В какой постели, в этой?..

– А то в какой, в этой, конечно. – Алиса поправила свой фирменный полупрозрачный халатик...

Андрей уже более минуты насиловал свое сознание, пытаясь понять невозможное: какого хрена он здесь делает?..

Боль в голове, ноющая челюсть, горечь во рту, а главное, полное отсутствие картинки вчерашнего дня вызывали в нем такое уныние, что хотелось просто лечь и умереть. Впрочем, если верить на слово этой девушке, умереть вчера ему, избиваемому тремя ухарями, не дала именно она, вызвав в бар дежурный наряд, а затем выкупив у полицейских как своего жениха. Во всяком случае, так завершила свой печальный для Андрея рассказ Алиса.

– Если ты не в претензии, я пойду? – с хрипотцой в голосе произнес он.

– А кто заплатит бедной девушке за услуги? – откуда-то сбоку приподнялся здоровенный детина со сломанным верх-

ним передним зубом. При этом он довольно улыбался, очевидно, тому, какой эффект произвел неожиданным появлением.

Андрей посмотрел на ушибленные костяшки своей левой руки и отвел взгляд.

– Во-во, и за зуб ты мне еще должен ответить, падла! – криво усмехнулся детина и, обратившись в темный угол квартиры, где стал прорисовываться еще один здоровяк, добавил: – Он, падла, с левой мне вчера заехал, поэтому я и не успел среагировать...

Боковым зрением Андрей уловил, как перепуганная Алиса бесшумно прошмыгнула на кухню.

– Дела у тебя, паря, поганые. Ты даже не представляешь, насколько, – продолжал щербатый, подойдя вплотную к Андрею. И тут же не успел среагировать на правый Андреев кулак...

В два прыжка оказавшись в прихожей, Андрей напоролся на третьего, невесть откуда появившегося мужика, и, как теннисный мяч от ракетки, отлетел прямо в кухню, зацепив при этом локтем то ли Алису, то ли еще что-то... Едва тело грохнулось на пол, как на него навалились три туши. Через пару минут, порядочно помятый, он уже сидел на стуле со связанными за спиной руками.

– Фамилия Порошин тебе о чем-то говорит? – процедил сквозь зубы один из нападавших. – Так вот, забудь ее с этой секунды! И еще, если хочешь жить, исчезни из города наве-

гда. На сборы у тебя время ровно до вечера. Ты все понял, мурло дешевое! А-а? Не слышу, блин!

– Понял...

– Теперь пош-шел отсюда! – презрительно скривил губы детина. – Развяжите его.

– Может, сломать ему челюсть для профилактики? – вмешался щербатый. – Он мне за зуб еще не ответил, падла...

– Пош-шел он, блин!..

...В квартире Андрея все было перевернуто вверх дном. Но это его не удивило, впрочем, как и то, что с письменного стола исчез рабочий ноутбук. А вместе с ним и весь компромат на заместителя командующего военным округом по тылу генерал-лейтенанта Порошина... Тяжело волоча ноги, Андрей добрался до диванчика и рухнул на него.

Сколько он так пролежал, могла бы сказать Наташа, но он ни о чем не спросил, очнувшись от прикосновения ее рук. Они молча смотрели друг другу в глаза: «Дорогая девочка, как я устал от всего...» – говорили его.

«Скоро все закончится», – говорили ее.

Наташа встала, подошла к окну.

– Тебе надо в душ, смыть с себя всю грязь и кровь. А потом я обработаю твои ушибы, – грустным и слегка отстраненным голосом произнесла она.

– Я справлюсь сам, – глухо отозвался Андрей. – Увидимся завтра.

– Завтра я улетаю...

– Я прилечу потом.

– Потом тебя убьют.

– Ты звонила вчера вечером? Извини, что не дождался тебя в баре... – внутренне усмехнувшись, проговорил он.

– Не надо... Я не звонила...

– Странно.

– Мне нужен конверт, который я дала тебе для сохранения. Если, конечно, помнишь.

– Помню. Посмотри в среднем ящике письменного стола, я положил его под бумаги.

– Ящики стола перевернуты вверх дном. Там ничего нет.

– У меня кто-то побывал ночью...

Наташа уронила на подоконник авиабилет на имя Андрея, бросила на него флешку:

– Тут все, что тебе нужно. На флешке то, что ты перекачал мне из своего ноутбука неделю назад. Хочешь, используй это, – и тихо ушла.

«Бардак не в квартире, а у меня в голове, блин», – подумал Андрей и закрыл глаза.

Дела его действительно были плохи. Если завтра он не исчезнет из города, его уберут. Военная мафия церемониться не будет...

Утром следующего дня Андрей проснулся с тяжелой головой. Тело ныло. Он направился под теплый душ, по пути машинально включив телевизор. После того как смыл с себя

всю вчерашнюю грязь, стало немного легче. Если не считать небольшого синяка на щеке и ушибов на теле, то можно сказать, что били его сильно, но достаточно аккуратно. Словом, чувствовалась рука профессионала. «Наташа, наверное, уже на пути в Париж», – подумал Андрей, когда внимание его привлек голос ведущего криминальных новостей, сообщавшего, что минувшим днем у себя в квартире была обнаружена мертвой гражданка Патрунова Оксана Анатольевна... Андрей посмотрел на экран телевизора и содрогнулся. В безжизненном теле молодой женщины, на котором сфокусировалась камера, он узнал... Алису! Она была в том же полупрозрачном халатике... «Если начнут копать, то наверняка всплывет вчерашний инцидент в «Парусе», где я и эта Алиса были одними из главных действующих лиц. К тому же на драку приезжал полицейский наряд... Странно, что за мной до сих пор не пришли...»

Андрей смел ладонью в сумку авиабилет, флешку и захлопнул за собой дверь квартиры. Рядом с подъездом стояла его старенькая иномарка. Он прошел мимо, чтобы поймать такси, когда буквально перед ним с резким скрежетом тормознул полицейский «уазик». Из него выскочили двое.

– Стоять! – крикнул один из них.

Андрей едва успел моргнуть, как от удара под дых согнулся пополам, и острая боль в плече от закрученной назад руки заставила его заскочить на заднее сиденье полицейской машины. Зажатый с двух сторон стражами порядка, он не мог

пошевелиться, и лишь тревожная мысль: «Все кончено»! – мелькнула в голове.

Дима Юрьев, сидя в тесной кухоньке за накрытым столом, собирался помянуть бабушку, которую похоронил десять дней назад. Старенькая, сморщенная и не по возрасту аккуратная старушка приходилась ему дальней родственницей, но любила внука как родного, так как никого кроме него у нее больше не осталось. Дима частенько заходил к своей бабе Тоне помочь по хозяйству, сгонять в аптеку, за продуктами в магазин. Эта забота о престарелой женщине была ему совершенно не в тягость. Баба Тоня жила на окраине города в однокомнатной квартире на втором этаже. Раз в неделю с Димой сюда приезжал его близкий друг и сокурсник Андрей Примеров. В отличие от Димы, сероглазого блондина выше среднего роста, Андрей был невысоким кареглазым брюнетом с задатками любознательного хулигана. Баба Тоня одинаково радушно принимала обоих с неизменной фразой: «Как хорошо, что вы приехали, а то у меня телевизор перестал показывать». Друзья поправляли старую антенну и уходили на кухню «раздавить мерзавчика», как они между собой называли выпивку, а баба Тоня с удовольствием принималась щелкать каналами.

Дима стряхнул с себя воспоминания и поднялся, услышав, как кто-то снаружи довольно шумно вставил и провернул в замке входной двери ключ.

– Андрей, ты?

– А то.

– Ладно. – Дима достал из холодильника чекушку водки. –

Помянем душу усопшей Антонины Петровны.

– Помянем. Хороший была она человек.

Выпили, не чокаясь.

– Я никогда не спрашивал, а сколько было бабе Тоне? – подцепил вилкой маринованный огурец Андрей.

– Восемьдесят девять.

– Крепкая была женщина, могла б еще пожить.

– Ты знаешь, сколько она трудностей пережила? – запил лимонадом Дима. – Во время Великой Отечественной войны она ушла санитаркой в госпиталь. Была такой красивой, что в нее все поголовно влюблялись. И доктора, и раненые наперебой предлагали ей руку и сердце, но получали неизменный отказ. Один полковник из-за нее с двумя хирургами стрелялся. А когда его увозили, со слезами на глазах сказал: «Запомни, Антонина, вернусь генералом, и ты будешь моей».

– И что, вернулся?

– Нет, кажется, загремел в дисциплинарный батальон. На бабе Тоне дядька моего отца женился. Тот же офицер в то время, старший лейтенант. Он выкрал у нее паспорт, пошел в ЗАГС и заставил зарегистрировать Антонину как свою жену, а себя – мужем. Потом пришел к ней, положил на стол свидетельство о браке и заявил: «Все. Отныне мы с тобой муж и жена. Завтра я уезжаю в свою часть, буду

писать тебе каждый день. А ты тоже мне пиши и жди с победой».

– И что баба Тоня?

– А ничего, согласилась. Куда ей было деваться? Война ведь шла. Ждала его.

– Дождалась?

– Да. После войны они в Ростове обосновались. Она поступила в Институт народного хозяйства, а дядя Петя, его, как тестя, тоже Петром звали, на военный завод устроился. Вот только счастье их длилось недолго, даже детей нажить не успели. Как-то, идя домой после смены, дядя Петя увидел ребенка на рельсах, и трамвай – вот он! Кинулся, ребенка из-под колес вытащил, а сам увернуться не успел. Так-то.

– Геройский был человек. Давай его тоже помянем.

– Давай... Баба Тоня, несмотря на красоту, так больше замуж и не вышла. Верность ему хранила. Закончила с красным дипломом институт. Ее как отличницу в Ленинград распределили. А она пришла в комиссию и говорит: «Не хочу в Ленинград, на Север поеду». Устроилась в морское пароходство, а со временем стала начальником Северного порта. До самого развала Советского Союза проработала в должности. Да и после пережила все эти бандитские переделы собственности, уже под семьдесят, наверное, ей было, когда ушла на заслуженный отдых. Сама ушла, никто ее не снимал.

– Ничего себе, баба Тоня, такая тихая, спокойная, кто бы мог подумать. Со связями, видать, была. Давай еще помянем эту женищину с большой буквы. Я ее и раньше уважал за сердечность, а теперь просто преклоняюсь...

– Андрюха, ты пей, конечно, если хочешь, но имей в виду, сегодня мне еще с курсовой работой повозиться надо. Да и тебе, думаю, тоже не повредит...

– Кстати, тему мою по поэтической критике утвердили в порядке исключения. Сказали, что это не совсем журналистика, но пусть попробует.

– Давай дерзай, гроза поэтов...

Андрей разлил еще по одной и вдруг, встрепенувшись, спросил:

– Кстати, в холодильнике одна чекушка была или две?

– Одна.

– Вечно ты делаешь так, что приходится два раза в магазин бегать. Взял бы сразу две...

– Я думал, ты тоже с бутылкой придешь...

– Думал он. Ну что, идем за второй?

– Идем, только всю пить не будем... Еще по одной и завязываем. Договорились?

– А то... Мне к Баяновичу завтра надо заскочить по поводу курсовой...

Наручники защелкнулись у Андрея на руках, больно впившись в запястья. Сидевший за рулем полицейский сер-

жант повернул ключ в замке зажигания. Мотор «уазика» чихнул и со второй попытки завелся.

– Миша... Петров... ты?

Водитель, оглянувшись, пригвоздил Андрея ледяным взглядом, сразу же отбив охоту к дальнейшему общению. С включенной мигалкой машина тронулась с места.

«Это я, Примеров, однокурсник Димы... Юрьева... Вы же с ним друзья детства. Помнишь, нас Дима знакомил?» – Эти слова, готовые вырваться из груди Андрея, застряли в горле, и у него похолодело внутри.

– Тебе зачитать твои права или так заткнешься? – грубо предупредил его один из сидевших рядом полицейских. – Ты вчера еще нас достал!

...В камере, куда без особых церемоний втолкнули задержанного, стоял мглистый запах неволи. Стены, покрашенные в темно-синий цвет, создавали атмосферу безысходной тоски. Как долго он здесь пробыл, определить было трудно, так как все личные вещи у него изъяли, включая часы. Минуты тянулись как вечность. Надо было что-то делать, куда-то звонить, чтобы вырваться отсюда. Но как?..

Андрей присел на корточки, опустив голову на грудь и прикрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. Он понимал, что произошло дикое недоразумение. Но он также чувствовал, что выйти из этого учреждения ему будет очень трудно, если вообще удастся.

И тут раздался грохот ключа внутри замка, железная

дверь приоткрылась, и показавшийся в проеме надзиратель казенным голосом скомандовал:

– Задержанный Примеров, на выход!

В плохо освещенном кабинете, наклонившись над столом, сидел худой, рано облысевший молодой мужчина в потертом пиджаке.

– Моя фамилия Капитан... Станислав Сергеевич зовут. Звание – капитан. Я – следователь, буду вести ваше дело, – не поднимая головы, тихим, кротким голосом произнес он.

«Капитан Капитан? Этого мне только не хватало», – подумал Андрей. При других обстоятельствах он непременно подключил бы свой сарказм, но ситуация была не та. Да и следователь показался каким-то чересчур робким человеком, которого по явному недоразумению сунули в это мрачное заведение.

– Мне положен адвокат? – на всякий случай тихо спросил задержанный, взявшись за спинку стула.

– Не надо трогать стул, он привинчен к полу... Извините... И не надо нервничать...

– Я вроде не нервничаю.

– Да? Ну и хорошо. Вот то, что вам положено, лежит на столе – чистый лист бумаги и ручка...

– Зачем?

– Писать чистосердечное признание: ваши фамилия, имя, отчество, кем работаете, чем занимаетесь... Какие деяния вами были совершены между восемью и девятью часами ве-

вчера, в субботу, 16 июня сего года...

– Я могу сделать звонок?

– Да-да, конечно, можете. Но не сейчас.

– Почему не сейчас?

Капитан вздохнул и извиняющимся голосом доброжелательно объяснил:

– Потому что вопросы здесь задаю я... Итак, внимательно слушаю. Какие деяния...

– Когда вы сказали, 16 июня?.. Это позавчера вечером, между восемью и девятью часами?

– Да.

– Значит... что я делал? Я поссорился со своей девушкой, выпил с досады в кафе у магазина «Солнце в бокале» стакан сухого вина... даже не допил. Потом мне позвонили по мобильнику и сказали, что она ждет в баре ресторана «Парус надежды». Там я тоже выпил немного... коктейля. На меня напали какие-то пьяные мужики. Дальше я ничего не помню.

– Вы много пьете?

– Нет.

– Как прикажете тогда это понимать?

– Что именно? То, что опьянел, очевидно? Знаете, сам не пойму, как это вышло...

– Погодите, погодите. Давайте начнем по порядку. Я буду спрашивать, вы – отвечать. Советую быть откровенным, потому что за дачу ложных показаний вы несете уголовную ответственность. Поверьте, в нашем... вашем случае важ-

на любая подробность. Вы, молодой человек, подозреваетесь в совершении убийства. – Следователь глубоко вздохнул и разъяснил задержанному под роспись его права, а также способы, которыми тот формально мог обеспечить свою защиту.

– Но я не совершал никакого убийства...

– А я вас ни в чем и не обвиняю пока. Я собираюсь выяснить обстоятельства дела и в любом случае все выясню. Если при вашем содействии, то вам же от этого и лучше. Итак. Я вас буду спрашивать, а вы – подробно отвечать на мои вопросы. Можете присесть. Фамилия, имя, отчество, дата и место рождения?..

– Мои?.. Примеров Андрей Владимирович. Родился... – Он подробно рассказал об обстоятельствах своего появления на свет, включая номер роддома, в котором произошло это чудо, плавно перешел к годам учебы на журфаке и к факторам, приведшим его в «Парус надежды»...

Капитан некрасивым, но разборчивым почерком быстро переносил слова на бумагу, не обращая внимания на пунктуацию.

– Как зовут вашу девушку и почему вы поссорились?

– Ее зовут Наташа. Фамилия... вылетела из головы. Фамилия – писательская... дело в том, что она не совсем моя девушка. Мы познакомились не так давно... я ехал с работы вечером. Помню, еще погода была пасмурная, весь день собирался дождь и только к концу дня сподобился...

Она стояла на обочине трассы с перекинутой через плечо красной сумочкой на длинном ремешке и выглядела привлекательной настолько, что он, не раздумывая, сразу притормозил.

На ней был обтягивающий белоснежный сарафанчик, а на ногах красные босоножки на высоком каблуке.

Он потянулся из-за руля и приоткрыл переднюю правую дверцу. Она окинула его обволакивающим взглядом больших зеленых глаз и присела рядом. С едва заметной горбинкой носик, слегка тронутые помадой полные губы и высокий красивый лоб, обрамленный черными прямыми волосами, делали ее обворожительной.

«Крашенная, наверное», – подумал он, чтобы окончательно не оробеть, и представился:

– Меня Андрей зовут.

– Очень приятно. Наташа. Спасибо, что не оставили мокнуть на дороге.

– Вам куда?

– Ой, мне на другой конец города...

– Ничего, я не тороплюсь.

– Правда? Я тоже... – Она пристально посмотрела на Андрея: – Скажите, где я могла видеть ваше лицо? Оно мне кажется знакомым...

– Вы не из полиции, случайно? – улыбнулся он.

– Я – художник. И если вижу интересное лицо, то запоминаю черты.

– Не знаю, вообще-то я в газете работаю...

– В газете?.. В какой?

– «Наш город» называется.

– Точно! Вы... криминальный обозреватель, да? Вас печатают всегда с вашей фотографией над статьей. Ну, знаете, не думала, что меня будет подвозить такой популярный журналист!

– Какой там популярный, у нас все обозреватели печатаются с фотографиями. Считается, что такой журналистский прием как бы подтверждает, что репортер отвечает за достоверность своей публикации, – сымпровизировал на ходу Андрей.

– Интересная у вас работа. И опасная, наверное?..

– Да ну ее... А вы – профессиональный художник?

– Да.

– Сразу могу сказать, что вы – талантливая. И муж вас, наверное, очень любит, – кивнул он на кольцо на ее безымянном пальчике.

– Никакого мужа нет. Это я так ношу, чтоб не приставали, – поправила она сумочку на коленях.

– А мне телефончик свой дадите?

– Вам – дам...

– Я ее подвез домой. Она жила на другом конце города. По пути познакомились, обменялись телефонами. Потом созванивались, встречались. Она интересовалась моей работой, я

– ее картинами. Она – художник. Но ее сейчас нет в городе. Она, кстати, сегодня улетела в Париж. У нее там переговоры по поводу предстоящей выставки ее картин.

– Интересно. У вас в сумке тоже лежал билет на парижский рейс. Собирались лететь вместе?

– Да... ну-у... то есть нет, я не успел закончить статью и решил остаться.

– Какую статью?

– Я работаю в отделе криминальной хроники областной газеты «Наш город»...

Следователь сделал пометки на отдельном листке, прочитал про себя написанное и продолжил:

– Из-за чего вышла ссора?

– Она нашла в компьютере мою переписку с другой девушкой, – не моргнув соврал Андрей.

– У вас их много?..

– Это имеет какое-то отношение к делу?

– Да.

– Девушка, которую я люблю, сейчас в Германии. Она там находится на лечении.

– У вас что, по всей Европе девушки?

– Я бы так не сказал.

– Какие отношения вас связывали с Оксаной Патруновой?

Андрей замялся:

– Вы так быстро спрашиваете, что я не успеваю подумать...

– Хорошо. Какие отношения...

– Никакие... Такую вообще не знаю.

– Дело в том, что есть свидетели, которые видели вас вместе с ней в баре ресторана «Парус надежды», где вы развязали, извините, пьяную драку с посетителями. Соседи гражданки Патруновой накануне слышали шум из ее квартиры и видели, как вы выходили оттуда. Я уверен, что дактилоскопическая экспертиза подтвердит наличие отпечатков ваших пальцев и в баре, и в квартире покойной. Еще доказательства нужны? Они будут. – Следователь поднял на Андрея полные сожаления глаза и, решив припугнуть того, доверительным шепотом намеренно сгустил краски: – И тогда вы сядете на такой срок, что мало вам не покажется... Во всяком случае, на зоне столько не живут. Так что помогите мне разобраться во всем, не отпирайтесь. Этим вы только усугубляете ваше положение.

– Гражданин следователь, я никого не убивал. Я лишь хотел дать ей прикурить в баре, но не знал, кто она такая и как ее зовут. На меня напали... Я вырубился. Как оказался у нее в квартире, не помню. Но помню, что, когда я оттуда ушел, она была жива и здорова. Кстати! – хлопнул он себя по лбу. – Там у нее дома были... трое мужиков, с которыми, кажется, я в баре и подрался. Они опять на меня напали и стали угрожать, что, если я не уберусь из города, меня убьют. Может, это они убили ее?

– А кто сказал, что ее убили? А тем более – вы?

– Не знаю... Вы говорили, что я под подозрением... За что тогда меня арестовали?..

– Я говорил? Вот, видите... знаете, а начинаете с «не знаю». Нехорошо. Вы задержаны как подозреваемый и, в силу того, что можете скрыться от органов правосудия, например улететь за границу, пребываете под стражей. Так что все вы знаете. Сейчас вас уведут в камеру, соберитесь с мыслями, подумайте и постарайтесь вспомнить все детально, по минутам. Я вас вызову. А пока вот распишитесь под каждым листом, что с ваших слов записано верно. Да... И постарайтесь также вспомнить, как выглядели эти трое, с которыми вы подрались, для составления фоторобота. Сержант! – неожиданно твердым голосом скомандовал капитан Капитан: – Уведите задержанного!

...Доцент Баянович, руководитель курсовой работы Андрея, ждал его в своем кабинете для разговора по душам.

– Яков Аркадьевич, извините за опоздание, проблемы с транспортом были, здравствуйте! – протараторил Андрей, ворвавшись в кабинет к своему «научруку», как он его называл, и, пока тот не пришел в себя, пяткой прикрыл за собой дверь. Это был неверный ход, так как доцент Баянович – человек старой академической закваски, сам соблюдал степенность во всем и приветствовал ее в других. Но сегодня Андрею фартило. Баянович имел к нему корыстный интерес и начал, как подобает ученому, с небольшой преамбулы:

– Андрей, голубчик, как говаривали древние римляне: «Festina Lente», что означает, как вам, надеюсь, известно, «Поспешай не торопясь». Человеку, занимающемуся научным трудом, а написание курсовой – это есть научный труд, не пристало быть торопливым, опрометчивым. Мне стоило определенных усилий, чтобы отстоять вашу нежурналистскую тему курсовой, которая, впрочем, может представлять некоторый теоретический интерес в развитии региональной литературной критики. В связи с этим у меня к вам такой вопрос – не могли бы и вы поспособствовать в решении одной не менее важной для меня проблемы?

Андрей сделал озабоченное лицо.

– Дело опять касается моего сына. После того как при вашем содействии, ну, вы помните, он поступил на временную работу в этот, как бышь его... «Парус надежды» барменом, два года уже прошло, а он отказывается теперь восстанавливаться по прежнему месту учебы... наотрез...

– Что от меня требуется, Яков Аркадьевич?

– Скажу прямо. Сделайте, чтобы его оттуда выгнали. Может, так он вернется к учебе?

– Сразу не обещаю, но что-нибудь постараюсь придумать, – деловито ответил Андрей. И поспешил откланяться, сославшись на то, что ему пора в университетскую библиотеку.

То, что его отпечатки пальцев найдут в квартире этой Патруновой и свидетели сыщутся, Андрей не сомневался. А раз так, засадят его на такой срок, как сказал «следак», что мало не покажется. Набежавшая было волна депрессии отхлынула назад, чтоб накатить с новой силой, но он успел ухватиться за спасительную соломинку. «Первое, не паниковать и не болтать лишнего, – начал рассуждать он. – Прост этот капитан или хитро скроенный, надо избрать правильную тактику поведения. Он строит из себя наивняка, я прикинусь искренним дурачком... Теперь, что мы имеем в остатке? Если предположить, что три амбала и эта Патрунова «работали» в связке на одного хозяина, то, судя по тому, что они пытались втолковать, за ними стоял один могущественный человек. Так уж получалось, что это был не кто иной, как генерал Порошин. Выходило, он же и приказал им «убрать» Патрунову, чтобы подставить его, Андрея. Но зачем это надо было Порошину, который не мог знать о подготовке к публикации компрометирующего его материала? Значит, был кто-то еще, которому Андрей мешал как кость в горле. Но кто был этот третий?..»

В замке опять загрохотало, дверь отворилась, и в камеру завели нового задержанного. Худой белобрысый парень, с большими выразительными карими глазами и китайской ухмылкой на губах, сделал несколько шагов и остановился, увидев Андрея.

– Не подскажите, какая полка свободна? – указал он голо-

вой на двухъярусный лежак.

– Мне без разницы.

– Эта мне подойдет. – Парень легко запрыгнул на верхнюю нару и лег на спину, скрестив на груди руки. – Кстати, меня Шурой зовут.

«Больной, наверное», – подумал Андрей и опять углубился в свои размышления.

...Те трое говорили, чтобы он забыл фамилию Порошин и убирался из города. Не сходится. Если генерал узнал бы каким-то путем о компромате, он не стал бы подсылать этих дураков, а вызвал бы Андрея к себе и оторвал ему голову собственноручно. К тому же Андрей, по его же генеральской просьбе, оказывал ему в настоящий момент услугу... Нет. Тут другая интрига... Может, женская?.. Этот голос, который заманил его в ресторан: «Андрей? Добрый вечер. Я – подруга Наташи, звоню по ее просьбе. Она сама сейчас не может позвонить вам, но просила передать, что ждет вас к девяти часам в «Парусе надежды», в баре. Ей надо сказать вам что-то очень важное». После отбоя номер звонившей не определился.

Часы показывали без четверти восемь. В баре, чтобы убить час, Андрей заказал коктейль «Ковбойский» и орешки. Потягивая смешанное спиртное, почувствовал, как у него поплыла голова. Он встал, чтобы взять бутылочку воды, когда к нему с сигаретой подошла эта девушка... Оксана Патрунова, которую кто-то назвал... Алисой... А если эта

Оксана-Алиса просто подошла прикурить, а эти трое прицепились к ним, чтобы запугать его по поручению шефа?.. Тогда выходит, что они военные. Станут военные убивать проститутку, при которой, в принципе, ничего лишнего сказано не было? Нет. Вообще ничего не понятно... И зачем надо было так напиваться?.. Хотя он выпил-то – тьфу – по своим меркам, и раньше попивал коктейли, но так его никогда не развезило... Ох не зря он не любил этот кабак и заходил сюда всего один или два раза, еще в бытность студентом. Даже когда по просьбе доцента Баяновича пришлось пристраивать сюда его сына, Андрей лишь попросил об этом своего отца. Тот кому-то позвонил, тем дело и кончилось. Работает этот Баянович-младший, а может, уволился давно и пошел по творческой линии?..

Несмотря на свою музыкальную фамилию, Мартин Баянович всей душой ненавидел училище искусств, куда его определил ученый отец. Дело в том, что Яков Аркадьевич очень любил музыку и с детства мечтал пойти по стопам своего отца Аркадия Яковлевича Баяновича, отменного ресторанного скрипача. Но дед Мартина наставлял маленького Яшу на иную стезю, заставляя сына со школьной скамьи грызть гранит науки. Тем же вечером, когда Яков Аркадьевич защитил кандидатскую диссертацию, Аркадий Яковлевич поцеловал ученого сына в лоб, прилег отдохнуть и успокоился навеки. В свою очередь, доцент Баянович, твердо решивший

не совершить ошибку своего отца, назвал сына Мартином и направил его по музыкальной линии.

В десять лет, когда Мартин с отличием окончил третий класс общеобразовательной школы, отец сделал сыну подарок – купил красивую папку с тисненым портретом Чайковского и записал его в детскую школу искусств на отделение фортепиано. Педагоги не отрицали в Мартине определенных музыкальных данных, но особого таланта не замечали. Дедушкин гений в нем спал дремучим сном. Но ведь истории известны случаи, когда одаренность в детях пробуждалась посредством родительской строгости. На это и уповал доцент Баянович. А потому, когда сыночек его на третьем году обучения музыке сделал первую попытку завязать с ней, пообещав исправить на пятерки все четверки по русскому языку, литературе и географии в случае, если перестанет ходить в музыкалку, отец поправил на поясе брючной ремень и отрезал: «Ты у меня и так будешь круглым отличником везде!..»

Тем временем, чтобы привить музыкальную культуру малышам, преподаватели школы искусств устроили для них показательный урок – концерт старшеклассников. Мартин вошел в актовъй зал, где уже кишела ребятня, и уселся в пустом заднем ряду в одиночестве. «Баянович, на передний ряд!» – приказным тоном обратилась к нему заведующая учебной частью Софья Иосифовна Овсепова, которую побаивались все, включая самого директора. Мартин, опу-

стив голову, пересек зал и плюхнулся в первом ряду, который занимали старшеклассники. Когда все утихомирились, Софья Иосифовна объявила: «Наш концерт открывает ученица седьмого класса отделения фортепиано Оксана Патрунова. Прошу!» Из первого ряда поднялась девочка в коротенькой юбочке и направилась к роялю. Мартину бросились в глаза ее голые колени. И в ту же секунду какой-то непонятный телячий восторг стал переполнять его ребячью душу. Она казалась ему недосыгаемо-прекрасной. А как она играла! – ее руки то взмывали над клавиатурой, как крылья летящей птицы, то плавно опускались, начиная новую музыкальную фразу... Финальный аккорд поднял с места Софью Иосифовну.

– Спасибо, Оксаночка, – почему-то повернувшись к залу, строго произнесла она и заплодировала. – В этом году Оксана оканчивает нашу школу и будет поступать в училище искусств!

Девочка поклонилась, сбежала со сцены и элегантно присела рядом с Мартином, коснувшись рукой его руки на подлокотнике кресла. Мартина как токомшибануло.

– Ты что, мальши? – улыбнулась ему Оксана так дружески-любно, что у него на некоторое время перехватило дыхание и покраснели уши. – Какой смешной...

Вечером, дома, укладываясь спать, Мартин думал об этой удивительной девочке Оксане Патруновой. Всю ночь ему снились сдобные булочки. Он их ел и не мог наесться...

– Бежать тебе надо...

Андрей от неожиданности вздрогнул, оглянувшись на голос. Шура сидел, скрестив ноги, и внимательно смотрел на него.

– Засадят тебя по полной программе.

– Это кто же?

– Бабы твои.

– Бабы мои? – внутренне усмехнулся Андрей. Этот Шура точно был больным на голову. – С чего ты взял?

– Мне видение было.

– А-а... ну, тогда понятно.

– Зря смеешься. Наше прошлое определяет наше будущее. А в прошлом вокруг тебя змеиный клубок женщин. Настоящее – темно, да и жить тебе недолго...

– И сколько же?

– Ну, если останется все как есть, то неделю, может, две...

Убьют тебя... так и так...

– В смысле...

– Убьют. И посадят – убьют. И отпустят – убьют.

– Слушай, хренов пророк, а не пойти ли тебе...

– Я-то уйду отсюда, и не позднее завтрашнего дня. А вот тебе бежать надо... от прошлого. – Шура опять прилег на спину и уставился в потолок. – Я это знаю от афонских монахов. На горе Афон есть монастырь, где они обитают...

– И что?

– Ничего. Я – молюсь, начинаю слышать их голоса, мысленно задаю им вопросы, они – отвечают мне... Мы все зомбированы темными силами настолько, что забыли Силу Божественного Света, из которого создан Мир... Я вижу, что ты считаешь меня душевнобольным. И я действительно сбежал из «психушки», куда меня завтра опять отправят. Но я абсолютно здоров. Мне нужны паспорт и деньги, чтобы купить билет и улететь из страны... И ты мне можешь в этом помочь.

– Я?..

– Да. В мире все взаимосвязано. Каждый наш шаг влияет на судьбы других людей. И тут очень важно не навредить...

– Не навредить – это заповедь докторов.

– Ну да, и докторов тоже... Через неделю, а то и раньше, ты выйдешь отсюда. У тебя будет несколько дней для принятия правильного решения. Я помогу тебе в этом. Но и ты помоги мне попасть на гору Афон. Я должен быть там, где Воины Света бьются с темными силами...

Андрей отвернулся. Друг Дима, после того как отслужил в армии, куда-то исчез. Отец женился и перебрался жить на квартиру к новой супруге. Бежать? Куда? В Германию к Татьяне? Он уж и не помнил, сколько времени прошло, как потерял с ней контакт?.. Да и как отсюда сбежишь? Бред какой-то...

Дома отца не было. Андрей включил телевизор и набрал

номер Татьяны.

– Алло, – тихо отозвалась она.

– Танюша, это Андрей...

– Привет, Андрюша.

– Ты что такая тихая, болеешь, что ли?

– Ага, за «Спартак», – грустно пошутила она.

– Да нет же, я серьезно, в библиотеке тебя не было. Слушалось что?

– Ну, если серьезно, то я скоро уезжаю с мамой в Гамбург.

На лечение.

– Куда? В Гамбург? Какое еще лечение? А университет? – растерялся Андрей. – Скоро, это когда?

– Папа договорился насчет академического отпуска. Летим завтра.

Еще не успев понять, что происходит, но чувствуя неладное, он твердо произнес:

– Через час буду ждать у твоего подъезда. Спустишься? Таня, спустишься?..

– Хорошо-хорошо.

– Пока...

– Привет, – тихо произнесла Татьяна, выйдя из подъезда, и, глядя в испуганные глаза Андрея, улыбнулась: – Ты что такой взъерошенный?

– Ты куда летишь? Что за Гамбург... который в Германии... город?

– Да. В Гамбурге есть клиника Святого Георга. Возмож-

но, меня там прооперируют.

– Аппендицит?..

– Нет, – опять улыбнулась она и, немного погрузившись, добавила: – Операция на сердце. Но, может, ее и не будет. В общем, врачи скажут. После обследования.

– Что у тебя с сердцем, Танюша? – Голос его дрогнул.

– Все потом... я тебе напишу. Оттуда. А теперь иди. Не хочу долго прощаться...

Андрей хотел поцеловать Татьяну в щечку, но она вдруг прильнула к его груди, из ее глаз покатились слезы, а теплые влажные губы нашли его...

Это было похоже на сон. Потому что в реальной жизни Андрей целовал Татьяну лишь в своих сладких мечтах. Четыре года они учились на одном курсе. Татьяна училась хорошо, «без хвостов», в отличие от Андрея не пропускала лекций и семинаров. Она казалась ему не такой, как другие, она была особенной.

Для отца и матери Татьяны – Михаила Михайловича и Анастасии Михайловны Смирновых – в недалеком прошлом городских чиновников, пребывающих ныне на заслуженном отдыхе, дочь была единственным и поздним ребенком в семье. С выходом на пенсию Михаил Михайлович завел новый порядок – один раз в год его семейство должно было проходить полный медицинский осмотр. Тут и выяснилось, что у Татьяны не все хорошо с сердцем, терапевт услышал посторонние шумы. Сняли кардиограмму, сделали ультразву-

ковое обследование и пришли к неутешительному выводу: у девочки порок сердца. С лечением решили не тянуть. Знакомые врачи посоветовали лететь в Германию. Пусть свое слово скажут и заграничные эскулапы...

– «Ковбойский» коктейль, стакан сухого вина и орешков загрызть, – тихим голосом заказал клиент. Невысокий худощавый мужчина, стоя перед барменом с опущенной головой, как двоечник перед учителем, достал из кармана тысячерублевую купюру и положил ее на стойку. Было начало дня, и бар был пуст. Отделанные темно-синей драпировкой стены, коричневый кафельный пол, на котором островками располагались белые кабины с обтянутыми красной кожей диванчиками и желтыми абажурами, были призваны создавать для клиентов ощущение расслабленности. Аккуратно вытащив соломинку из стакана, клиент в несколько глотков выпил половину содержимого в нем напитка и захрустел орешками.

– Хорошо тут у вас, уютно, – поднял он голубые глаза на бармена и еще отхлебнул из стакана. – Хороший коктейль. Расслабляет, а голова – светлая. Всем такой подаете или на выбор?

– Кто просит – тому и подаем, – хохотнул в лицо этому чудику бармен.

– Два дня назад вы стояли за стойкой? – Мужчина достал из нагрудного кармана красное удостоверение и открыл его: – Следователь Станислав Капитан. Полиция.

– Очень приятно. Меня Алексеем зовут. Бармен. Два дня назад я не стоял «за стойкой», я полол огурцы у себя на даче. Баянович работал, Мартин.

– А-а, а он сегодня не работает?

– С сегодняшнего дня – нет. Уволился. В бухгалтерии он.

Получает расчет.

– Да?.. Будьте любезны пригласить его сюда.

– Я позвоню. – Бармен достал радиотелефон, набрал номер и через пару секунд доложил следователю: – Сейчас подойдет.

Перед тем как зайти в «Парус надежды», Станислав Сергеевич побывал в детской школе искусств, где имел беседу с заведующей учебной частью Овсеповой. Софья Иосифовна, которая успела пересмотреть свое отношение к Патруновой после ухода той из школы, вылила такой ушат подробностей и сплетен о покойной и ее связях с мужчинами, включая бывшего ученика Баяновича, что ей самой стало неловко...

Четыре года в училище искусств, которое талантливая Оксана Патрунова окончила без проблем, принесли ей заслуженный диплом и распределение в свою родную музыкальную школу. Нисколько не изменившаяся за время, когда Оксана успела вырасти из ученицы в преподавательницу, все такая же сухощавая завуч Софья Иосифовна буквально приняла в объятия свою давнюю любимицу.

– Оксаночка, ты можешь во всем рассчитывать на мою

помощь. А она тебе понадобится, чтобы выжить в этом музыкальном серпентарии.

– Тяжелый коллектив?

– Не то слово. Зайдешь ко мне завтра с утра, определю тебе учеников. Для начала дам шестерых, один из которых – перспективный. Представь: молодой педагог, ученик которого стал студентом музучилища – это результат!..

Как «перспективного» Оксане Анатольевне перевели ученика седьмого класса Мартина Баяновича.

– Здравьете, – войдя и увидев, кто ожидает его в классе, опешил Мартин и встал как вкопанный у двери.

– Проходи, мальчик. Твоя фамилия... э-э-мн... Баянович... Мартин?

– Да, – отозвался он.

– Я – твоя новая учительница, зовут меня Оксана Анатольевна, – улыбнулась она тому эффекту, который произвела на бедолагу.

Накануне, характеризуя отобранных для Патруновой учеников, Софья Иосифовна подчеркнула: «Этот Мартин Баянович звезд с неба не хватает, но техника неплохая. Дисциплинированный. Его отец, доцент госуниверситета, очень хочет, чтобы сын стал музыкантом. Так что, будь уверена, поступать в училище он будет. И поступит. Тебе надо лишь держать его в узде, чтоб не расслаблялся».

– Сколько тебе лет, Мартин? – поинтересовалась Оксана Анатольевна.

– Мне – пятнадцать.

– Ну что ж, разница у нас в какие-то пять лет. Так что... мы вполне с тобой сможем... друг друга понять. Сегодня мы просто познакомились, а в четверг жду тебя на урок.

– Как дела в музыкальной школе? – поинтересовался дома отец.

– Нормально. Мне дали новую учительницу по специальности, Оксаной Анатольевной зовут.

– Надо бы с ней познакомиться.

– Не надо. Я и так поступлю, – мотнул головой Мартин.

Невысокий, коренастый молодой брюнет вошел в бар и хмуро осмотрел пустой зал. Станислав Сергеевич привстал и махнул ему рукой...

Присаживаясь напротив, Мартин слегка нервничал:

– И зачем я вам понадобился?

– Я следователь, веду дело Патруновой, вы ее знали. Слышали, наверное, что она была найдена у себя в квартире мертвой. Вы работали в тот вечер. Расскажите, что за инцидент здесь произошел?

Мартин помрачнел еще больше.

– Драку затеял парень. Я его раньше здесь не видел. Он был в хорошем подпитии. Сидел за соседним с нашей кабиной столиком один. Потом подошел к стойке, очевидно, заказать еще спиртного. К нему обратилась Алиса... э-э,

Патрунова, попросила прикурить. Рядом стояли трое мужиков. Я их раньше тоже у нас не видел. Один из них что-то сказал ему, этот парень достаточно резко для пьяного развернулся, что меня тогда удивило, и врезал мужику. Другие двое вырубил его, но обошлось без боя посуды и мебели. Кто-то вызвал полицию, подъехал наряд. К тому времени те трое мужиков ушли. А Патрунова не стала сдавать этого парня полицейским, вызвала такси и увезла его. Куда, не знаю.

– Он сам шел?

– Да, с трудом, но шел сам.

– Патрунова часто заходила в ваш бар?

– Да.

– Она была в свое время вашим преподавателем музыки.

У вас были близкие отношения?

– Я бы не сказал. Она стала приходить в бар после того, как уволилась с работы. Попросила называть ее Алисой. Когда я спроси: «Зачем?» – она ответила, что Оксана Анатольевна осталась в музыкальной школе, в прошлом. А теперь она – Алиса.

– Она занималась проституцией?

– Да. Но шла не с каждым. Сама выбирала себе клиентов из тех, кто мог хорошо заплатить.

– Она нуждалась в деньгах?

– Не знаю. Денег в долг ни у кого, кажется, не просила.

– Извините за вопрос, она вам нравилась как женщина?

– Она была моей бывшей учительницей музыки год. И все.

Я больше ничем не могу вам помочь...

– А не могли бы вы описать этих троих мужиков? Может, у них были какие-то особенности в манерах, в наружности, в одежде?

– Обычные здоровяки. Стрижки у них были короткие...

Устав сидеть на корточках, Андрей прилег на нижний лежак. Мысли в голову не шли, кроме одной – бежать отсюда надо, бежать! Эта идея настолько захватила его воспаленное сознание, что он прослушал привычный грохот железной двери.

– Примеров, на выход!

– Мною была проделана определенная работа сегодня, и возникла необходимость побеседовать с вами еще раз, – доставая из портфеля бумаги, произнес Станислав Сергеевич. – Опрос свидетелей в баре показал, что вы между восемью и девятью часами вечера, в субботу, 16 июня сего года, вошли в бар, будучи в сильном опьянении. Там выпили еще, вели себя агрессивно, затеяли драку с неустановленными пока лицами и ушли вместе с Патруновой к ней на квартиру. Провели там ночь. В воскресенье, 17 июня, днем, вы ушли от нее, после чего она была обнаружена убитой. В районе 15 часов.

– Гражданин следователь, ее я не убивал. Это сделал кто-то другой. Найдите тех троих, которые были у нее тогда, когда и я. Это ведь важно. Потом, почему вы не допускаете,

что смерть Патруновой наступила после того, как я ушел от нее. Так ведь все и было. В бар я пришел не в сильном опьянении, а совершенно нормальным. Меня этот коктейль подкосил. Не знаю, какую гадость они там смешивают.

– Кто может подтвердить время, когда вы ушли от Патруновой?

– Наверное, соседи, которые видели, как я выходил от нее.

– Нет, они точно время назвать не могут.

– Наташа ко мне приходила. Она наверняка может сказать, во сколько это было... Но она улетела в Париж...

– Наталья... как вы, говорили, ее фамилия?..

– ...Алексина. У меня в мобильнике есть ее номер...

– Разберемся... А вы, Андрей Владимирович, насчет спиртного как, часто употребляете?

– Пил, как все. В компании с однокурсниками... Иногда с Димой... Юрьевым. Это мой университетский друг. Последние три года вообще не употреблял.

– Что так?

– После того как Диму забрали в армию с четвертого курса, вроде и не с кем стало, да и незачем...

– А что это он с четвертого курса – в армию?

– Декан факультета постарался. Дима у него сто рублей хотел занять, на пиво.

– В каком смысле?

– В прямом. Попросил сто рублей, чтобы купить себе пива. А декан не понял его и радикально среагировал: «Спо-

собный ты, Юрьев, студент, да жалко, спиваешься. Послужи-ка, дружок, в армии, наберись ума. Отслужишь – доучишься». Мы с ним переписывались почти до его дембеля, а потом он вдруг перестал отвечать на письма. Последний раз черкнул, что хочет на Север махнуть.

– Вы когда окончили университет?

– Два года назад...

«Чего хочет «следак»? Посадить меня побыстрее и закрыть дело?» – думал, укладываясь на лежак, Андрей. Посадить его, конечно, было проще пареной репы, а вот найти настоящего убийцу... Нет. Не так все идет. Капитан какой-то малохольный, сомнительный и допросы ведет странно. Не похоже, чтобы он собирался докопаться до истины... Неожиданно полное равнодушие к происходящему махровым одеялом накрыло Андрея с головой, и он, повернувшись спиной к стене, провалился в тяжелый сон.

Проснувшись утром, он не сразу заметил, что верхний лежак пуст. Вчера полоумный Шура говорил, что через день уйдет отсюда. И ушел? В «психушку»? А как выйти ему? Может, тоже прикинуться больным?.. Чушь! Блин, обложили, и никакой связи с внешним миром. Что делать? Ждать? Ждать удобного случая?.. Ему вспомнилась китайская поговорка, которую любил повторять отец: «Если не можешь справиться со своими врагами, сядь на берег реки и лови рыбу. Очень скоро ты увидишь, как по ней поплывут отрубленные головы твоих врагов...» А тем временем Станислав Сергеевич,

сидя в университетском архиве, листал личное дело студента Примерова. Немногим ранее, побеседовав с методистом факультета, худощавой дамочкой в очках, он выяснил, что курировал группу, в которой учился Андрей, доцент Баянович, он же руководитель дипломной работы Примерова. Баянович? Любопытно... «Надо с ним побеседовать». Капитан закрыл папку и направился к копировальному аппарату, чтобы снять несколько копий...

Яков Аркадьевич, сидя на кафедре, думал думу о сыне. Не мог он допустить, чтобы Мартин срезался при поступлении в училище искусств. То, что придется для этого раскошелиться, было ясно как день. Но все-таки деньги ученому мужу давались не так легко, чтобы ими можно было сорить. С одной стороны, он прекрасно понимал, что проблемой поступления надо было заняться заранее, навести мосты в училище, познакомиться с нужными людьми... «Может, удастся дожать ситуацию своим авторитетом, – думал доцент, – все-таки училище – среднеспециальное учебное заведение, а он – представитель «университетской профессуры»... Но все оказалось не так просто.

«Надо найти прямой выход на Бородина. Если подключить еще людей, то это лишние траты и ненужные разговоры. Значит, – пришел он к выводу, – Бородин был деканом фортепианного отделения».

– Слу-ушаю вас. – Уяснив, кто перед ним, Эрнест Ивано-

вич любезно пригласил Якова Аркадьевича присесть на диванчик.

Объяснив цель своего визита, доцент завершил речь словами: «Я тоже преподаю и, поверьте, очень хорошо понимаю, как горек преподавательский хлеб».

– Прости-ите, вы сказали – сына вашего зовут Мартин Баянович?.. Так ве-едь он был у меня вчера. Вместе со своим преподавателем, Оксаной Анатольевной, кста-ати, моей бывшей студенткой...

– Уверяю, что проблем с Мартином у вас не будет...

– Дело в то-ом, что программа, которую он исполняет, – это пятый-шестой класс музыкальной школы. Я-то могу закрыть на это глаза. Но чле-енам приемной комиссии как объяснить? Ведь наши абитуриенты при поступле-ении уже играют программу училища...

– Понимаю. Потому и прошу конфиденциально обсудить размер возможного гонорара, – сообразив и смирившись с тем, что без взятки не обойдется, проговорил Баянович.

– Гонорар стандартный. Назовем его вознаграждением за «репетиторство». – Декан почему-то перестал растягивать слова и, потянувшись за ручкой, вывел на листке цифру со словами: – Будет лучше, если вы передадите сумму через камеру хранения.

– В смысле?

– Вы же понимаете, в какие времена живем. У меня свои принципы. Не надо ничего приносить домой, а тем более в

кабинет. Я живу недалеко от железнодорожного вокзала. Там имеются камеры хранения. Вы мне сообщаете номер ячейки и код, я забираю оттуда содержимое. И все довольны.

– Без проблем! – повеселел Яков Аркадьевич и, подумав, добавил: – Я бы также просил вас, чтобы о моем визите никто не знал. Даже Оксана Анатольевна.

– Понима-аю. Можете быть спо-окойны.

– Было очень приятно иметь с вами дело.

– И мне тоже. Жду вашего зво-оночка, за недельку до вступительных экзаменов. Значит, звоните и называете цифры: первая будет озна-ачать номер ячейки, далее – код.

Мужчины обменялись визитками и пожали друг другу руки как подобает культурным людям. «Зачем он так тянет слова? – подумал, уходя, доцент. – Это ведь так вульгарно».

– Здравствуйте, меня зовут Станислав Сергеевич Капитан, я следователь. Не могли бы вы уделить мне несколько минут вашего времени? – войдя в небольшой кабинет, протянул руку для пожатия капитан. В этот момент мрачное небо за окном расколола молния, и раскатисто ударил гром. Яков Аркадьевич вздрогнул и, привстав, бережно пожал руку нежданному гостю.

– Конечно-конечно... Ох, как разгулялась стихия... Присаживайтесь. Чем могу быть полезен?

– Мартин Баянович – ваш сын?

– Мартин? Да. А что случилось?

– Нет-нет, ничего. Он ведь работал барменом в «Парусе», где на днях произошел инцидент, имеющий тяжкие последствия. Он вам не рассказывал?..

– Вы имеете в виду, очевидно, скоропостижную смерть Патруновой?

– Вы слышали об этом? Ну да... Вы же были знакомы с ней... Она преподавала вашему сыну.

– Год. Даже меньше года. Я с ней встречался один, нет, два раза. Вас, видимо, интересуют ее личностные качества, связи, наклонности? Ну, что можно сказать? Я имел с ней короткую беседу, связанную с предстоящим поступлением в музыкальное училище сына. Патрунова показалась мне человеком целеустремленным, умеющим добиться поставленной цели. По собственной инициативе возила Мартина к педагогам музучилища, занималась с ним на дому, вплоть до его поступления... Ничего плохого сказать не могу...

– А с чем связано, что Мартин работает не по специальности?

– Видите ли, он ушел в академический отпуск после первого курса. Но это к делу не относится, уверяю вас, – случился доцент. – Сейчас он намерен восстановиться по месту учебы...

– Что вы можете сказать о своем бывшем студенте Андрее Примерове?

– Андрюша?.. Очень талантливый парень и глубоко по-

рядочный человек. Усидчивости ему, правда, не хватало во студенческие годы, а так вполне сформировавшийся журналист. Я слежу за его публикациями в «Нашем городе». Умение набрать фактуру, раскрыть тему, стилистика, все на должном уровне. Пишет смело. Больше по криминальной части. А почему вы спросили?

– С дисциплиной у него как, нарушал часто?

– Я бы не сказал. Культурный, отзывчивый, поэзией увлекался. Но говорю же, усидчивости ему не хватало. Ну, это по молодости, знаете ли, простительный грех. Извините, а почему вы им интересуетесь?

– Это я так, для себя, как вы говорите, к делу не относится. А вот выпившим он мог прийти на занятие?

– Выпившим? Что вы! У нас с этим очень строго. Это сразу отчисление.

– Были случаи?

– Были. А ко мне вас какое дело-то привело?.. Ах, да... Патрунова... Ну все, что я знал о ней, я рассказал...

Яков Аркадьевич позвал Мартина к себе в кабинет.

– Сынок, завтра утром напомнишь мне позвонить этому... Эрнесту Ивановичу. Я должен зачитать ему вот это... – Он достал из нагрудного кармана пиджака визитку и показал ее с обратной стороны, где были выведены какие-то цифры. – Знаешь, что это такое?

– А что?

– Твоя гарантия поступления...

Следующим вечером Бородин позвонил Баяновичу:

– Что же вы, Яков Аркадьевич? Шутки шутите?

– В каком смысле? Все как договаривались...

– Да, но я-ачейка пуста...

– Как пуста?..

Через час Баянович уже был у Бородина.

– Поймите, лю-убезный, так дела не делаются... – недовольно проговорил тот.

– Я сделал все, как вы сказали!..

– Но денег там не было!..

– Я же их туда положил!..

– Голубчик, надеюсь, вы не думаете, что я занимаюсь какими-то манипуляциями? У меня – репутация, кафедра, наконец!

– Я тоже имею ученую степень, знаете ли, и не привык к подобному рода ведению дел!

Мужчины сверили цифры. Номер ячейки, куда положил купюры Яков Аркадьевич, и код совпадали с теми, что записал по телефону Эрнест Иванович.

– Кто это мог сделать, если кроме нас двоих больше никто об этом не знал?

– Может, кто подсматривал за вами?

– Исключено. Я был осторожен...

Так или иначе, Баяновичу пришлось тем же вечером везти названную сумму домой Бородину. По пути назад Яков Ар-

кадьевич впал в печальные размышления: «Неужели Мартин учудил?! Он видел эти цифры, но откуда было ему знать, что они означали?..» Допрос сына с пристрастием ни к чему не привел. Мартин ушел в отказ и, обидевшись, заперся в своей комнате...

Ближе к поступлению Оксана Анатольевна не оставляла своего ученика в покое. Занималась с ним практически каждый вечер. Собственно, занятия длились минут тридцать-сорок, не более. Остальное время они чаевничали за разговорами о предстоящей учебе Мартина, о том, что ему потом непременно надо будет поступать в консерваторию...

Как-то Патрунова рассказала Мартину, как трудно пришлось ей без отца. Как нелегко доставались деньги на поступление в училище. Ведь без определенной суммы Бородин и пальцем не пошевелит, чтобы того же Мартина приняли в училище...

– Я не хочу поступать за деньги! – отрезал Мартин.

– Успокойся, малыш, обо всем позаботится твой отец. Я кое-что знаю. А ты не в курсе?

– Нет. Хотя... Сегодня он мне показал свою визитку, на которой были написаны какие-то цифры, и сказал, что это – гарантия моего поступления...

– Все правильно. Без денег у нас никто никуда не поступает, будь ты хоть семи пядей во лбу. Система так выстро-

ена. Ты со временем сам все поймешь... Хм, чисто из женского любопытства, а что там за цифры такие были написаны? Просто интересно... Позвонишь вечером?

– Зачем звонить, я их и так помню: дата моего рождения...

Зная причуду Эрнеста насчет камеры хранения, так как самой пришлось в свое время пройти через это, Оксана Анатольевна легко поняла, что цифры означали номер ячейки и код. Она положила руку на плечо ученику и произнесла:

– Завтра у нас занятий не будет. Я уезжаю к маме. Она просила меня помочь ей на даче с утра...

Выйдя от Баяновича, Станислав Сергеевич проехал три остановки на автобусе и, выйдя на перекрестке, зашел в кафе. Заказав комплексный обед и бутылочку минеральной воды, задумался. После беседы с Мартином в баре он в качестве, можно сказать, эксперимента запил коктейль сухим вином. Легкий хмель, наметившийся вначале, улетучился через минут десять-пятнадцать.

И еще Станислав Сергеевич воспроизвел в памяти разговор с барменом Алексеем.

Оглянувшись и понизив голос, Алексей говорил:

– Мартин мне сказал сегодня, что знает, кто ее убил... Это тот парень, с которым она ушла. Перед тем как уйти, Алиса вроде сказала Мартину, что этот парень – «очень плохой человек». Одного не пойму, зачем она с ним пошла, если зна-

ла, что он плохой?..

Одновременно с этим Алексей вытащил какой-то выдвижной ящик из-под барной стойки, что-то тренькнуло о кафельный пол, и в этот момент его позвали принимать товар. «Я отлучусь ненадолго», – извинился он перед следователем, взяв из ящика какие-то накладные документы. «Мне тоже пора идти, – любезно ответил тот. – Вот только допью стаканчик». Когда бармен ушел, он заглянул за стойку, увидел бейджик с фотографией Мартина и выкатившийся из-за ящика маленький стеклянный пузырек, обернул находки салфетками и, положив в карман, вышел...

Не спеша поглощая обед, Капитан продолжал размышлять: не могло с такого количества спиртного молодого здорового парня так развезти... Сегодня должны быть готовы результаты анализа крови задержанного, а заодно надо проверить этот пузырек. Мало ли?

Что было ожидаемо, Наталье Алексиной дозвониться не удалось. «Телефон данного абонента временно не обслуживается», – сообщил оператор. Она его отключила, потому что хотела, чтоб ее не беспокоили? Либо чтобы не беспокоил... Андрей? Разговор в Союзе художников о Наталье между тем кое-что дал. И над этим стоило поработать...

– Алло, Андрей? Это Наташа. Вспомнили? Не хотите заехать как-нибудь в гости? Говорят, что долг платежом красен. А я у вас в долгу, получается. Вы же меня подвезли

и даже плату никакую не взяли...

– При одном условии, – с ходу сориентировался Андрей, – что мы перейдем на «ты».

– Какой вы быстрый, однако. Ну, раз альтернативы нет, я согласна. В принципе, у меня свободен любой вечер.

– Могу хоть сейчас!

– Завтра. В семь.

– Завтра так завтра...

– Ну, все. Пока-пока.

Он еще постоял, слушая частые гудки в трубке. «И все? А где же романтика?.. Как на деловое свидание вызвала».

На следующее утро Андрея от бритья отвлек звонок. Некий мужчина приятным голосом сообщил, что у него для журналиста Примерова есть информация, которая может его заинтересовать, и попросил о встрече.

– В девять, в редакции, – ответил Андрей.

– А если не в редакции, а, скажем, в парке Горького, это же рядом? Информация конфиденциальная, не хотелось бы привлекать лишнего внимания.

– Тогда в десять...

Свернув с главной аллеи в сторону большой круглой беседки, прозванной в народе Брежаловкой, Андрей остановился. Это было место, где по вечерам собирались фанаты, чтобы до хрипоты поспорить о перспективах городской футбольной команды, которая вот-вот должна была вылететь из

первого состава во второй.

Чуть выше среднего роста, атлетического телосложения, достаточно свежего вида мужчина с открытым волевым взглядом серых глаз, появившийся неведь откуда, окликнул:

– Примеров? Андрей? Это я вам звонил. Меня Владимир зовут. Я – офицер окружного штаба.

– Чем, как говорится, могу? – Андрей присел на лавочку.

– Я читал ваши публикации. Мне нравится, как вы пишете. Хочу предложить вам разоблачительный материал, способный взорвать общественное мнение.

– Кого разоблачаем?

– Вопрос касается вопиющей коррупции в нашем военном округе, в которой погрязли высшие военные чины.

– А зачем вам это?

– Я – честный офицер. Не могу равнодушно смотреть на то, как разворовывают военное имущество округа. Судя по вашим публикациям, вы производите впечатление порядочного человека и смелого журналиста. Ну как, беретесь?

– Сразу не могу сказать. Мне надо ознакомиться с материалом, изучить его...

– Такого ответа я и ждал от вас. Копии со мной. Я их вам отдам, но прошу, чтобы все осталось строго между нами. Эти бумаги никто кроме вас видеть не должен. Через два дня я вам позвоню.

Завершив редакционные дела, Андрей пораньше уехал до-

мой. В тиши родных стен он стал просматривать принесенные военным бумаги, сканировать и заносить их в свой ноутбук. Факты, изложенные в документах, были связаны со злоупотреблениями служебным положением, превышениями должностных полномочий, хищениями и мошенничеством. Среди череды преступных деяний обращала на себя внимание ликвидация трех военных кирпичных заводов по схеме: искусственное банкротство и продажа их на сторону. Новые хозяева на весьма выгодных для себя условиях заключали контракты с округом на строительство казарм, объектов и различных хозяйственных сооружений. На деле же львиная доля стройматериалов шла на возведение шикарных дач для генералитета. За всем этим маячила фигура заместителя командующего военным округом по тылу генерал-лейтенанта Порошина. Закончив знакомиться с бумагами, Андрей почесал затылок. Материал, конечно, может получиться бомбовский, но чтоб на этой бомбе не подорваться самому, надо все обстоятельно проверить...

– Вы у Натальи Алексинной дома бывали? – больше утверждая, чем спрашивая, обратился к Андрею Станислав Сергеевич.

– Бывал.

– Она одна живет, не с родителями, так ведь?

– Так. Она взрослый человек, самостоятельный. К тому же квартира, кажется, ей от бабушки досталась. Не могу точно

сказать, мы на эту тему не особо говорили.

Вызвав Примерова на очередной допрос, Капитан надеялся уточнить у него то, что не удалось узнать в Союзе художников, где Алексину характеризовали как талантливую, но достаточно замкнутого человека. У следователя складывалось мнение о ней как о красивой, сдержанной в общении девушке, не оставляющей никаких шансов мужчинам, пытавшимся за ней приударить. Таких еще считают высокомерными или богемными красавицами. «Мне кажется, – пояснил тогда один из коллег-живописцев, – у нее очень высокая планка самооценки. Она амбивалентна в жизни и творчестве, все связанное с ней вызывает двойственное, я бы сказал, неоднозначное восприятие. Знаете, ее посещали порой неожиданные вспышки гнева, а то и ярости. Был случай, когда в споре она ударила кулаком в лицо своего коллегу, а потом ее затрясло всю. Мы уж хотели «Скорую» вызвать, но обошлось. Она сухо извинилась и ушла...»

Разговаривая с Примеровым о Наташе, следователь не хотел давить на него. При проведении допросов он частенько прибегал к своеобразному методу: «поглаживание по шерстке». На первый взгляд, незначительные детали, вокруг которых крутились его вопросы, и явное пренебрежение, можно сказать, фактами, лежащими на поверхности, создавали впечатление не совсем компетентного в своей профессии человека, с которым можно было не особо напрягаться, боясь сболтнуть лишнего. На самом деле, усыпляя на допро-

сах бдительность задержанного, Станислав Сергеевич незаметно выуживал те рациональные зерна, которые впоследствии создавали исчерпывающую картину произошедшего, раскрывали скрытые мотивы совершенных деяний, о которых подозреваемый никогда бы не рассказал...

– Ну да... Многие живут отдельно от родителей. А с ними у нее были хорошие отношения?

– Не знаю.

– Она не говорила, где они работают? Нет? Мне кажется, она их недолюбливает.

– Она об этом не говорила, но мне тоже кажется, что отношения у них не фонтан.

– Извините за нескромный вопрос, а о чем вы с ней обычно разговаривали?

– Большею частью об ассоциативном искусстве. Вы не пробовали ей позвонить?

– С вашего мобильного? Пробовал. Не дозвонился. Вы сказали, ассоциативное искусство? Вы в этом разбираетесь?

– Я – нет.

– Она интересовалась вашей работой? Спрашивала вас, о чем вы пишете?

– В некотором роде да. Собиралась написать ассоциативную картину по мотивам моих публикаций. Бред, конечно... Мне кажется, она играла со мной в какую-то свою игру.

– Как по-вашему, она была способна на жестокость?

– Думаю, да. Как и любой человек, если жизнь припрет.

– А ее приперла?

– Может, да. Она мне не говорила об этом.

Капитан чувствовал, что задержанный что-то недоговаривал. Но что он скрывал, понять не мог...

Трехкомнатная квартира Наташи представляла собой большую мастерскую, наполненную картинами и всевозможным художественным инвентарем. В небрежной, на первый взгляд, обстановке, однако, просматривался какой-то продуманный стиль. Здесь не хотелось найти стульчик и вжаться в него, чтобы не наследить, как бывает, когда попадаешь в чужую, дорого обставленную квартиру. Две комнаты, объединенные в один просторный светлый холл посредством широкой арки, дорогой паркет, белые до голубизны стены и потолок, выставленные в середину свободного пространства мольберт и палитра создавали обстановку раскрепощенности.

– Тебе нравится здесь? – произнесла приятным голосом Наташа, уловив его изучающий взгляд, который он не сумел скрыть. – Правда, забавно?

– Да, – ответил Андрей и задал неуместный вопрос: – А где у тебя спальня? Ее нет?

– Есть. Но она с секретом. Посторонним в нее вход воспрещен...

– Я так спросил, из интереса...

– Понимаю, – хохотнула Наташа, – дверь отделана в тон

стене. Ее не видно, Андрюша. Давай выпьем кофе, я сварю его для нас по-турецки.

Занимаясь приготовлением напитка, она вдруг спросила:

– А над чем ты сейчас работаешь? Не иначе, как разоблачаешь коррупционеров? Это сейчас так модно.

– Ты будешь смеяться, но да, именно этим я сейчас занимаюсь. А если точнее, то тема касается коррупции в погонах.

Она на минутку задумалась и неожиданно предложила:

– Послушай, Андрей, мне пришла в голову необычная мысль. Давай мы с тобой сделаем симбиоз живописи и журналистики, создадим такой необычный тандем?

– В смысле?

– Ты пишешь статью, я ее читаю, и ассоциации, которые она вызывает, выдаю на холст. По-моему, это необычно.

– А как это возможно?

– Ну как бы объяснить? Ты пишешь словами, я – красками. Ну-у... Твоя статья несет определенный энергетический посыл. Так? Влияет на подсознание человека, читающего ее. Создает настроение, вызывает некие ассоциации, которые можно передать на холсте через игру цвета, образы...

– Не совсем понятно, но интересно, кажется.

– Ты сам потом все увидишь и поймешь. Ну так что, заключаем творческий союз?

Андрей не успел ответить, помешал телефонный звонок. Посмотрев на дисплей, Наташа нажала на кнопку:

– Да-а, слушаю... Все хорошо... Приезжай. – Тряхнув волосами, убрала от уха трубку и улыбнулась: – Подруга звонила, хочет заехать поболтать...

Андрей понимающе кивнул. Ему показалось, правда, что звонил мужчина, даже голос, кажется, знакомый, но он предпочел верить ее словам...

Отработав до копейки и вернув отцу долг – деньги, которые тот потратил на училище искусств, Мартин окончательно решил не восстанавливаться по прежнему месту учебы и подал документы в кооперативный университет. Конечно, по этому поводу предстоял крупный разговор с отцом. Но если он узнает, что сын собирается по окончании вуза открыть собственный ресторанчик и сделать его лучшим в городе, то консенсус может быть достигнут. Да и должен же понять он, что сыну необходимо сбросить с себя груз тяжести, связанный с учебой в нелюбимом заведении, с взяточником Бородиным... Оксаной Анатольевной... После ее смерти к нему пришло чувство опустошения и свободы одновременно. Та власть, которую она над ним имела, угнетала его, как, впрочем, и ее женская суть, способная утянуть за собой в омут. Накануне отец рассказывал, как приходил человек из полиции, что-то пытался вынюхать... Мартин особого беспокойства не выказал, но согласился, что на некоторое время ему хорошо бы уехать из города, пока все не утрясется. Ведь следователь беседовал с ним тоже, и этот повышенный интерес

ему был ни к чему. Повод для этого имелся. В тот злополучный вечер, когда в баре произошла драка, Алиса подошла к нему и попросила помочь ей в одном деликатном деле. «Ты знаешь мои жизненные обстоятельства, – с трогательной интонацией в голосе сказала она. – Так вот, скоро сюда зайдет человек, повинный в том, что я оказалась на панели. Мартин, вот пузырек, капни из него в пойло, которое он закажет... Можешь не беспокоиться, криминала никакого нет, это всего лишь снотворное. Мне надо, чтобы он уснул и не лез ко мне. Поверь, это очень плохой человек. Пузырек потом выкинешь и считай, что я тебе ничего не давала. Как он подойдет к тебе, я дам знак». Мартин понимал, что Алисе верить нужно с оглядкой, но, подчиняясь ее влиянию, молча согласился. Во время той дурацкой беседы со следователем он вдруг вспомнил, что пузырек впопыхах не выбросил, и после ухода «следака» вернулся за стойку бара, сказав Алексею, что должен забрать одну свою вещицу. Порылся в ящиках, но ничего там не нашел. Решив, что во время уборки его выбросила уборщица, он ушел домой, не придав этому значения...

– Это Владимир. Андрей, доброе утро. Ознакомились с бумагами? Ну как? Беретесь? Хорошо. При необходимости звоните...

Подполковник Владимир Емельянов служил в штабе округа пять лет. Доступ к различного рода документам

ему обеспечивала сотрудница секретного отдела в звании прапорщика Татьяна Перцова, с которой он периодически поддерживал близкие отношения. Публикация статьи могла бы наделать шуму и предполагала некоторую зачистку в рядах генералитета, что открывало место для маневра перспективным офицерам, к коим он себя относил. Эта идея пришла к нему не самостоятельно, а с подачи его будущей спутницы жизни, отличавшейся решительным характером и довольно-таки практичным для женщины умом...

Андрей долго сидел у себя в кабинете и размышлял. Наконец, решившись, поднялся и отправился к главному редактору.

– Если ты к главному, то проходи, он один и как раз в дурном настроении, – буркнула ему секретарша шефа Анюта.

– Что тебе? – кивнув на приветствие своего сотрудника, спросил главный редактор. Он был действительно не в духе. За всю минувшую неделю газета не выдала ни одного гвоздевого материала. – Это не редакция, а какое-то сонное царство. Ни одной ударной статьи. Дожили, на открытие первой полосы предлагают заметку о нашествии мышей в жилом квартале Северного микрорайона.

– Есть тема. Тема коррупции в погонах...

– ?! – поднял мохнатые брови шеф, обозначив на лице некоторый интерес.

Андрей вкратце обрисовал ситуацию в штабе военного

округа, показал некоторые документы и закончил скромной фразой: «В общем, есть, над чем поработать».

– Смотри, чтоб был полный порядок с доказательной базой. Статья, ты сам понимаешь, это – верхушка айсберга. Основная, подводная, часть в виде документов должна быть у тебя в руках, чтобы на случай, если на нас подадут в суд или потребуют извинений, мы могли выложить неопровержимые доказательства. Тогда это будет бомба. Ты понял меня? Все. Молодец. Иди, работай...

«Значит, так, – думал Андрей, возвращаясь к себе. – Мне нужны снимки строящихся генеральских дач, желательно, чтобы на них были видны военные строители, и короткие диалоги с ними. Это первое». Далее... он разложил поэтапно все свои действия и пришел к выводу, что было бы вообще замечательно, если удастся взять интервью у самого генерала Порошина, но это уже из области фантастики...

Проверив накануне еще раз вещички Андрея, Капитан нашел застрявшую под подкладкой сумки флешку. «Как же можно так безалаберно проводить осмотр вещей», – ругал он себя, вставляя ее в гнездо компьютера. То, что она содержала, заставило его еще раз чертыхнуться, там находились отсканированные документы, свидетельствующие о темных делах руководства военного округа, где фигурировала фамилия генерал-лейтенанта Виктора Валентиновича Порошина. Сделав запросы и покопавшись в бумагах канцелярских ве-

домств, Станислав Сергеевич подметил любопытную для себя деталь: отчество Натальи Алексиной – Викторовна. Но более неожиданное открытие его ожидало впереди, когда после изучения документов он выяснил, что у Порошина в графе дети значилась дочь... Наталья Викторовна Алексина. Она его дочь?.. Стало быть, Андрей, встречаясь с дочерью, собирал компромат на ее отца?.. Если он знал, что Наталья генеральская дочь, – это один расклад, если нет, то другой. То есть либо он пытался ее использовать, либо действительно познакомился с ней случайно. Какое это имеет отношение к убийству проститутки из бара? Никакого? Больше логики было в том, что убийство произошло на почве бытовой ссоры, как его ориентировало начальство. Проститутка приводит выпившего клиента домой. Тот отказывается платить, она вызывает своих сутенеров – троих амбалов, которые разбираются с клиентом... Тот в пылу драки мог ударить и ее... Стоп! Со слов Алексея, Алиса сказала Мартину, что Примеров очень плохой человек, повинный в ее бедах. Может один человек быть «глубоко порядочным», как характеризовал его старший Баянович, и «очень плохим» одновременно? Вопрос философский. Сам Примеров полностью отрицает знакомство с Алисой. Кто говорил неправду? Андрей? Мартин? А может, Алиса? Если последняя не врала, стало быть, домой к себе она привела его не как случайного клиента, а с умыслом? С каким? Что между ними могло быть? Капитан очертил круг близких знакомых Андрея и стал про-

пускать их через «сито»: деловые отношения, любовные связи, личные мотивы...

Наташа отцовскую фамилию не носила. Алексина – это фамилия матери. «...А вы в курсе, что Наталья не носила фамилию отца?» – спросил он Андрея. «Нет. Но она – художница. Люди творческих профессий часто берут себе псевдонимы». – «Ну, да... Андрей Владимирович, вы собирали материал на руководство военного округа. По сути, у вас уже была готовая для публикации статья». – «Вы смотрели флешку? Это только набросок статьи. Для публикации этого мало». – «Кто кроме вас еще знал о готовящейся статье?» – «Главный редактор. Больше никто». – «А Наталья Алексина?» – «Наташа? Да, я забыл. Она видела эти наброски. Собиралась нарисовать на холсте свои ассоциации, художественные фантазии...» С трудом поняв из ответа, что хотела сделать Наташа, Капитан задумался. Со слов Примерова выходило, что статья ей нравилась, она искала каких-то острых ощущений для себя. Примеров утверждал, что не знал, кто ее родители, но она-то знала, о ком речь! И чем это может обернуться ее отцу-генералу, тоже понимала. В какую игру она играла?..

Андрея, выходящего от Патруновой, видела пожилая женщина – соседка из квартиры напротив, которая в тот момент выносила мусор. Точного времени старушка назвать не могла. Ничего внятного не сказала она и о троих мужчинах, которых могла видеть выходящими от Патруновой: «Я во дво-

ре была, выбрасывала мусор, может быть, в это время кто-то и выходил. Не знаю, не видела». Других свидетельских показаний из числа жильцов дома у Капитана не было. Правда, появился один нюанс – Станислав Сергеевич сделал запрос в аэропорт о пассажирах, вылетевших в Париж 18 июня. Там фамилия Алексиной не значилась!..

– Вам нужны снимки строящихся зданий? Это я вам обеспечу, – пообещал при последней встрече Емельянов. – Но это будет вид сверху. У меня есть друзья среди вертолетчиков, они помогут. Труднее – проникнуть за забор. Все посторонние люди, при наличии пропуска и удостоверения личности, заносятся в регистрационный журнал. Тут подумать надо...

– Прапорщик Диденко. Со мной одиннадцать бойцов для выполнения благоустроительных работ, – сверкая черными, как смоль, усами, доложил военный охраннику.

Солдаты, во главе с командиром, миновали контрольно-пропускной пункт и направились к одной из новостроек.

– Ставлю задачу, – обратился к подопечным прапорщик, – справа наблюдаем территорию домовладения, которую необходимо очистить от строительного мусора. Весь мусор выбрасываем в металлические контейнеры, расположенные по левому флангу. Работы провести и завершить к четырнадцати ноль-ноль. Задача понятна? Сержант, ко-

мандуйте. Вы, – подошел он к Андрею, выряженному в рядового, – занимаетесь по индивидуальному плану. Сбор здесь в означенное мною время.

– Есть! – неожиданно для себя рявкнул Андрей и испарился с глаз долой.

Он старался в точности исполнять инструкции Емельянова. Тот, подумав, предложил ему пройти на территорию, переодевшись в солдатскую форму. Знакомому прапорщику было велено взять на «хозяйственные» работы еще одного «проштрафившегося солдата из штаба», но особо не напрягать...

Идея Андрею понравилась. К тому же он был оснащен специальной ручкой со встроенной камерой и диктофоном китайского производства от Емельянова. Подфартило и в том, что группа, с которой он пошел, как раз очищала от мусора территорию виллы самого Порошина. Так что «светиться» почему зря ему не пришлось. Слушая разговоры ребят, он выуживал необходимую информацию с включенным диктофоном... Периодически посмотреть на ход работ выходила на балкон второго этажа молоденькая красотка в шелковом халатике. Солдат, взгляды которых мгновенно приковывались к ней, подмывало на колкие шутки, но, понимая, чем им это может аукнуться, они молча терпели тяготы и лишения воинской службы.

Куривший в тенечке Диденко поднялся, затоптал башмаком окурок и скомандовал:

– Перекур окончен, приступить к работе!

В этот момент к вилле подкатила черная иномарка, водитель вышел и открыл заднюю дверь появившемуся на пороге генералу, а с балкона ему помахала ручкой благоверная... Эта трогательная картинка была тут же запечатлена «шпионской» камерой Андрея...

Улики, которые накопил Капитан, свидетельствовали о том, что он недаром ел свой полицейский хлеб. «Пальчики» Андрея, найденные в кабаке, где он устроил драку, в квартире Патруновой, где он опять же устроил драку и, возможно, зашиб насмерть хозяйку, это все было ожидаемо. А вот то, что на пузырьке, который, благодаря интуиции, подобрал из-за стойки в баре Станислав Сергеевич, обнаружилась отпечатки... Мартина, можно было отнести к разряду новостей. Внутри стеклянного сосуда, согласно заключению экспертов, находилось... вещество со свойствами снотворного, следы которого были обнаружены и в крови Примерова... Это уже было поводом для «беседы с пристрастием» с бывшим барменом...

Капитан попытался несколько раз набрать мобильник Мартина, но тот не отвечал, тогда он позвонил Баяновичу-старшему:

– Здравствуйте, Яков Аркадьевич, извините, что беспокою. Хотел вот проконсультроваться у Мартина по одному вопросу, а дозвониться не могу. Нет-нет, ничего срочного

и серьезного, – пытался усыпить бдительность отца следователя. – Чистая формальность... Уехал на море?.. Когда? Сегодня?.. Ну, да. Жара душит. Сам бы махнул на пару неделек, но дела не пускают. Водичка там сейчас теплая. Он не в Анапу случайно? Я там люблю отдыхать... Нет? В Лоо? А-а... там я не был, надо съездить. Ну, ладно, не буду больше беспокоить, пусть отдыхает человек. Когда, говорите, вернется? Через полторы недельки? Интересно будет узнать, как там в Лоо насчет сервиса для отдыхающих и вообще... Ну, извините еще раз за беспокойство, всего доброго.

«Значит, на море уехал. Сделал дело, подсыпал клофелина или чего там еще и – отдыхать. Молодец! Судя по тому, что рассказывала о нравах Патруновой завуч школы искусств, та буквально стелилась под своего ученика Мартина и его родителя тоже: «Знаете, не удивлюсь, если она, уж извините, не переспала и с отцом, и сыном, прости господи! – перекрестилась в запале Софья Иосифовна. – А еще она «крутила» с деканом фортепианного отделения Эрнестом Ивановичем Бородиным...»

Следователь задумчиво листал записи, просматривал карточки, которые составлял для анализа доказательной и ориентирующей информации. В них были указаны предшествующие преступлению события, сведения об участниках, свидетелях и пострадавшей... «Если этот Мартин причастен к преступлению, то никуда он не уедет, во всяком случае, надолго, – пришел к выводу Капитан. – Он, скорее всего, бу-

дет наблюдать за ходом следствия, врать, изворачиваться, создавая собственную версию произошедшего, чтобы доказать свою невиновность»... Неожиданно его размышления прервал звонок мобильного. На дисплее высветилось: «Мартин бар».

– Алло, это Мартин, здравствуйте, вы звонили мне?

– Да. Вы где сейчас находитесь? На вокзале? Поезд задерживается? Прошу оставаться на месте...

Зал ожидания был набит спасающимся от зноя народом. Следовательно, опустив голову, как карманник, протискивался сквозь толпу и вышел прямо на Мартина, затерянного среди пассажиров на сочинский поезд.

– Обстоятельства складываются так, что вам, возможно, не придется никуда ехать, – подняв на бывшего бармена глаза, вместо «здрасьте» произнес он. – Следствие обладает доказательствами, что вы подлили задержанному Примерову в коктейль снотворное вещество. Вы сейчас проедете со мной и дадите письменные показания о мотивах содеянного.

Главный козырь Станислав Сергеевич приберет «в рукаве». Ему удалось найти свидетельницу, которая видела, как незадолго до убийства Патруновой из ее квартиры выходил... Мартин. Она опознала его по фотографии с бейджика. И теперь надлежало провести очную ставку. Судя по всему, Мартин Баянович был последним, кто видел Патрунову живой. Или мертвой?..

– Слыхал новость? – Главный редактор встал навстречу Андрею, пожал ему руку, что случилось нечасто, и усадил за длинный стол, за которым проводил редакционные летучки. – Генерал Порошин хочет дать интервью нашей газете. Мне звонили из пресс-службы штаба округа. Скажу больше, хотят, чтобы интервью взял именно ты! Как тебе такое?

– Не знаю, что и сказать...

– Я тоже. Уж какие там у тебя отношения завязались с военными, это дело твое, но на благо газеты использовать их надо. Значит, сегодня в семь вечера ты подъезжаешь к кафе «Пригородное», там тебя встретят ребята из пресс-службы. После разговора с ними отзвонишься мне и все, как на духу, расскажешь. Понял?

– Так точно, – нехотя произнес Андрей...

Кафе «Пригородное», получившее название в силу своего географического положения, являло собой элитное заведение, где любили проводить деловые встречи представители крупного бизнес-сообщества города и региональные политики. Здесь имелся большой банкет-холл и зал с закрытыми кабинками в виде восточных шатров. Все это обдувалось бесшумными сплит-системами на фоне легкой инструментальной музыки, которая по желанию легко отключалась нажатием кнопки мобильного пульта. Лишь одно было не во власти клиентов – отсоединить невидимые жучки прослушивания, коими были снабжены все столики, за кото-

рыми проводились строго конфиденциальные беседы могущественных людей. Ибо такое им не снилось даже в вещих снах, как и то, что сам владелец заведения приватно состоял на службе в компетентных органах.

...Не совсем понимая, в чем подвох, Андрей подкатил к кафе за десять минут до назначенного времени. Двое в штатском подошли к нему и провели через задний вход в одну из кабинок-шатров, где дорого и со вкусом был уже накрыт стол. Вскоре сюда же зашел и сам Порошин в гражданском костюме. Молодые люди, включая Андрея, встали.

– Ну, зачем эти формальности, мы же по-свойски собрались приятно провести вечер за беседой, – сверкнул голливудской улыбкой Виктор Валентинович.

Двое, как по команде, вышли из-за стола, оставив тетя-тет генерала и журналиста. Порошин, как хозяин положения, разлил из графинчика дорогой коньяк.

– Андрей Владимирович, у меня к вам есть предложение, от которого вы, будучи умным человеком, не откажетесь. Но разговор должен остаться строго между нами...

– Ты чего не перезвонил? – обиженно упрекнул на следующее утро Андрея главный редактор.

– А вы думаете, пить с генералом легко? – сразу же пошел в атаку тот. – Коньяк хороший был, конечно, но по бутылке на рыло, извините, на лицо, для меня – перебор...

– Что за коньяк пили? – загорелся шеф. – Французский?.. «Камю»? «Хеннесси»?..

– А я знаю? Цветами пах. Пился легко...

– Эх, молодежь... зря только напитки переводите. Ну, ладно. О чем шла речь на встрече? И с этого места поподробнее, пожалуйста.

Андрей, отфильтровавший информацию для главного еще вчера, передал лишь часть разговора касательно интервью. Собственно говоря, Порошин дал ему текст, который нужно было разбавить журналистскими вопросами. «Речь идет о плачевном состоянии армии, – пояснил при этом генерал. – О необходимости реформ, чтобы поднять с колен наши Вооруженные силы». Андрей при этих словах кашлянул в кулак и пригубил коньяк, чтобы не засмеяться...

– Порошин, как он мне сообщил по секрету, скоро уходит заместителем полномочного представителя президента по нашему федеральному округу. По всей видимости, хочет красиво зарекомендовать себя, – многозначительно подвел черту под сказанным Примеров. Этого «откровения» было достаточно, чтобы шеф поверил в искренность своего сотрудника.

– Ничего себе! – с удивлением проговорил он. – Получается, что твой компромат придется законсервировать. Довести до ума и законсервировать до наступления часа «X».

Андрей едва не прыснул при этих словах. Он не стал рассказывать о предложении, сделанном ему Порошиным: «На-

пишете хорошее интервью, и рассмотрим вопрос о переводе вас в пресс-службу полпредства, а со временем назначим и ее руководителем. Это – солидная зарплата, положение и перспективы, как вы сами понимаете». Подумав было, что заманчивое предложение продиктовано его профессиональными журналистскими качествами, Андрей, однако, очень скоро был разочарован. Концовка беседы, когда Порошин «раскрыл карты» перед ним и попросил об одной услуге, упала, как снег на голову, вызвав чувство удивления, разочарования и брезгливости одновременно. Но все, что он мог сделать в данной ситуации, – это кивнуть в знак согласия...

– Ну что, готовь интервью, дадим его вторым «анишлагом» на первую полосу, – менторским тоном распорядился главный, давая понять, что и ему, и подчиненному пора приступить к работе.

Дело Патруновой, которое вел Станислав Сергеевич, начальство охарактеризовало как несложное и требовало завершить в кратчайшие сроки. «Не тяни и не порть картину раскрываемости. Тут все, в принципе, ясно. Распоясавшийся журналиста, пьяница и дебошир, к тому же любитель по вечерам развлечься с проститутками, «доигрался». Понял, что делается?! Твоя прямая обязанность заключается в том, чтобы сорвать с него личину и обнажить голую правду! Да. Именно так... И эти люди со страниц газет учат других морали? В общем, дело плевое, но резонансное. Закончишь его,

подумаем о том, чтобы подать представление на присвоение тебе внеочередного звания майора. Так-то». Начальник Капитана подполковник Дементий Павлович Лобков умел говорить с подчиненными таким образом, чтобы те не задавали потом лишних вопросов.

Вернувшись к себе, Станислав Сергеевич битый час просидел за столом, задумавшись: почему это «плевое дело» поручили именно ему? Что-то здесь не так. Неужели дело, в котором фигурирует труп, может быть настолько «плевым», что им занялись не ребята из Следственного комитета, а он – капитан Капитан. На место происшествия выезжала бригада оперативников. Осмотр места и трупа, сбор первичной информации, свидетельские опросы уже были проведены, а тело отправлено в морг для вскрытия. После этого все материалы дела передали ему, Капитану. Но вот кто из следователей выезжал вместе с оперативниками? Со слов Лобкова, он сам, лично. В деле, однако, указана его капитанская фамилия. Стоп! Этот «нюанс» начальство сгладило как бюрократическую формальность. И эта «формальность» была не единственной в этом «плевом» деле. «Чем я занимаюсь? – Станислав Сергеевич пытался быть с собой откровенным. – Я ведь веду расследование объективно, а получается, что выполняю заказ начальника, который подsunул мне дело с нарушениями на предварительном этапе?.. Детская поговорка про маленькую ложь, которая тянет за собой большую, в моем случае «тянет» на преступление закона, за которое можно

сесть за милую душу. Конечно, приказы начальства не обсуждаются, и если уж Лобков дал команду, то он знал, что делал, и подставлять своего сотрудника не станет. Скорее – наоборот...» Он начал опять прокручивать обстоятельства дела. Труп Патруновой в морге осмотреть ему не удалось, надлежащие процедуры, как следовало из бумаг, уже были проведены, и тело отдали для погребения родным – матери покойной Маргарите Полоцкой, которая не особо хотела контактировать со следствием. «Мне и без того трудно, я потеряла дочь... На все вопросы отвечала вашим коллегам, подписала бумаги... Чего еще от меня нужно?» – «Извините, если причиняю вам боль, – грустно произнес тогда Капитан. – Вы не замечали в ее поведении какой-либо обеспокоенности в последнее время? Может, у нее были проблемы?» – «Мы жили отдельно. Общались не часто. Я артистка. У меня плотный график работы – концерты, гастроли...» – «Извините еще раз, она была не замужем?.. У нее был друг?» – «Как-то она сказала, что собирается замуж. Но до этого не дошло...» – «А за кого она собиралась замуж, не говорила?» – «Нет, сказала только, что я буду приятно удивлена...» – «Последний вопрос: простите, вы похоронили дочь на городском кладбище?» – «Да, а где еще?! – раздраженно повысила голос женщина. – Вам доставляет удовольствие причинять мне боль?! Уходите, слышите, уходите! Я ничего больше вам не скажу!...»

Уходя от Полоцкой, Капитан испытал чувство неловкости

и недоумения – чем ее так разозлил его последний вопрос?..

Смерть Патруновой, согласно заключению судмедэкспертов, наступила от удара виском при падении, предположительно, об угол стола. «Может молодая сильная женщина оступиться, удариться о стол головой и умереть? Может. Но вряд ли. А вот если ей «помочь», например, толкнуть, сбить с ног?..»

Фотороботы троих «амбалов», созданные с применением компьютерного моделирования, были розданы для оперативного розыска. Имелись они и под стойкой у бармена Алексея, который нет-нет, да поглядывал на них, сверяя большей частью с тучными клиентами. Но результатов пока не было никаких.

Мог между этой «троицей» и Патруновой произойти какой-то инцидент? Мог. Как, впрочем, могла случиться стычка между ней и Мартином... и Андреем...

Почему подозрение пало, прежде всего, на Примерова? Он был фигурантом драки на квартире убитой. Но если он говорил правду... Какие могли быть основания у Баяновича-младшего? Это следовало выяснить, чтобы либо отвести от него подозрения, как с невиновного, либо привлечь к ответственности за содеянное...

Личную жизнь генерала Порошина назвать безупречной было трудно. Пребывая в возрасте, который он относил к расцвету лет, удержаться в узде семейной жизни просто

не представлялось возможным. Оставив законную супругу в городской квартире, он увлекся молодой дамочкой, запавшей на его золотые погоны и редкую проседь в густых волосах. Жили «молодые» в новой вилле, появившейся, как гриб после дождя, в «генеральском микрорайоне». Конечно, в иные времена, которые еще помнил Виктор Валентинович, развал «первичной ячейки общества», то бишь семьи, мог бы стать причиной серьезного разбирательства и на партийном бюро, и в Комитете солдатских эсен, куда брошенная супруга обратилась бы непременно. И тогда уж так надавали бы по «шапке», что мало не показалось бы. Однако современные нравы диктовали иную мораль. Увы, метаморфозы с женами происходили и у сильнейших мужей мира сего, что особо репутации никому не портило.

Проблема Виктора Валентиновича заключалась в другом. Его взрослая дочь на вид была не на много младше его новой пассии. Жила она отдельно от отца и матери в шикарнейшей трехкомнатной квартире и особой привязанностью к ним не страдала. Но с родительским разладом стала чаще, чем раньше, навещать и к отцу, и к матери. При этом держала нейтралитет. Генерал тоже охотно общался с дочерью, но в основном только наедине, не в присутствии нынешней спутницы жизни. Беспокойство его вызывало то, что предполагаемые падчерица и мачеха очень быстро нашли общий язык, и даже, казалось, понравились друг другу настолько, что готовы были стать близкими подругами.

Он чувствовал, что что-то здесь не так. Но что именно, понять не мог. Тогда генерал решил применить военную хитрость... Первым делом оснастить дом «прослушкой», чтобы знать, о чем говорят в его отсутствие домочадцы; второе, запустить дезинформацию и посмотреть, кто как себя поведет в данной ситуации; третье, установить внешнее наблюдение. «Если б Порошин был прост, как пять копеек, то не дорос бы до генерала», – самодовольно буркнул Виктор Валентинович и похлопал себя по заметно выросшему животу...

– Это считается, что вы меня арестовали? – подавленно спросил Мартин, когда вместе с капитаном они подошли к машине.

– Садитесь на переднее сиденье и пристегнитесь, – вместо ответа посоветовал следователь, вырывая со стоянки железнодорожного вокзала.

– Так я арестован?

– Все зависит от того, насколько вы будете откровенны и правдивы в показаниях...

– Станислав Сергеевич, я буду предельно откровенным с вами. Но прошу лишь об одном, чтобы мой арест... или задержание... ну, чтобы не сообщать моим родителям, что я здесь. У отца большое сердце... Пусть они думают, что я уехал отдыхать на море, – попросил Мартин, уже сидя на допросе в кабинете следователя.

– Мне нужна от вас полная информация, все, что вы знаете о деле Патруновой и о ней самой. Мартин, вы, похоже, запутались в жизненных обстоятельствах, и одному вам не выкарабкаться из них. Давайте попытаемся это сделать вместе. Думаю, нет смысла отпираться, что снотворную смесь в коктейль Примерову подлили вы. Расскажите все, как было.

– Пузырек мне дала Патрунова. Сказала, что в нем легкое снотворное. Что мне беспокоиться не о чем. Она ведь, сами знаете, чем занималась. Проституцией. Но не с каждым велась, а только с теми, кто мог хорошо заплатить.

– Патрунова часто вас просила подлить из пузырька клиентам?

– Нет. Ко мне она обратилась единственный раз. Но я знал, что этим она баловалась. Я не раз видел, как, сидя с мужиком за столом, она ждала, пока тот достаточно «примет на грудь», и подливала ему.

– Почему ж тогда, в тот вечер, она обратилась к вам, а не действовала, как всегда, сама?

– Она сказала, что мужик, которому надо подлить, сделал ей такую подлянку в жизни, что она из «сказки», в которой могла бы пребывать, оказалась на панели. И за один столик с ним садиться не собирается... А где вы обнаружили пузырек? Я его тоже искал, но не нашел.

– Он закатился за выдвижной ящик барного стола.

– А-а...

– А вы не подумали о последствиях своих действий?

– Нет, мне показалось, что она собиралась подождать, пока того развезет, предложить свои услуги и «состричь» свои деньги.

– Она обладала определенным влиянием на вас. Скажите, у вас с ней был интим?

– Нет. Хотя, может, и мог быть... Но это еще до ее появления в «Парусе». После того как она объявилась здесь, потом исчезла куда-то, говорили даже, что завязала с этим делом, но в последнее время опять стала появляться, мне было просто жалко на нее смотреть.

– Она вас соблазняла?

– Скорее «играла», подразнивала... Но это, кажется, было у нее по отношению ко всем мужчинам.

– У вас с ней был конфликт?

– Нет. Но мне надоело чувствовать, как она старалась держать меня на поводке...

– Эти три мужика, которые оказались рядом с ней и подрались с Примеровым, кто они?

– Я их раньше в баре не видел. Не знаю. Честно.

– Я вам верю. А Примеров частенько заходил?

– Нет, его я тоже не помню...

Капитан чувствовал, что Баянович искренен, но ведь и вопросы для него были достаточно «удобными». Пока он старался расположить допрашиваемого к доверительному разговору, помочь ему раскрыться, избавиться от того груза, который давил на него в последнее время, все шло гладко. Но

как он поведет себя в иной ситуации?

– Мартин, а для чего вы приходили к Патруновой домой в день ее убийства?

– Я-а?..

– Мы же договорились быть откровенными. Есть свидетели, видевшие вас выходящим из ее квартиры, и именно в тот промежуток времени, когда было совершено убийство. Поймите, следственные действия подразумевают проведение очной ставки, выезд на место для восстановления полной картины произошедшего и так далее. Но если вы расскажете все сами, то это для вас уже совсем другой расклад. Чистосердечное признание и раскаяние смягчают вину...

– Да. Я был в тот день у Патруновой на квартире, – выдохнул Баянович. Он вдруг ссутулился, опустил голову и прижал ладони к глазам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.